

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский государственный Университет. Философский факультет.
 Доктор философских наук, профессор.

Russia, St. Petersburg.
 St. Petersburg State University. Faculty of Philosophy.
 PhD, Professor.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Критикуется тезис о «смерти субъекта» и рассматриваются различные формы возрождения понятия субъективности в современной философии. Исследуется многообразие форм и видов ее проявления в современном обществе. В классической философии центром субъекта был разум.

Сегодня едва ли не главной формой существования субъективности считается тело. Происходит радикальная трансформация техники формирования субъектов. Их исследованию посвящена предложенная статья.

Ключевые слова: душа, единство, индивидуальность, коллектив, одиночество, симпатия, скука, субъективность, тело

Transformation of Subjectivity

The thesis about the “death of the subject” is criticized and the various forms of the revival of the concept of subjectivity in modern philosophy are considered. The variety of forms and representations in a modern community are investigated. In classical philosophy, the center of the subject was reason.

There is a radical transformation in regard to the engineering of the subjects' formation. This article is devoted to their research.

Key words: soul, unity, individuality, collective, loneliness, sympathy, boredom, subjectivity, body

Вопреки заявлениям о «смерти субъекта» сегодня возрастает интерес к проблеме субъективности. При этом наблюдается трансформация традиционного ее понимания как формы сознания мыслящего индивида. Сегодня едва ли не главной формой существования субъективности считается телесность. Именно в этом направлении происходит существенный сдвиг: тело как объект психофизиологии и медицины становится предметом внимания гуманитариев. Психоанализ, феноменология, экзистенциальная философия дали новый импульс развитию социологии, культурологии, литературоведения, истории и другим современным гуманитарным дисциплинам. Телесная жизнь составляет сердцевину повседневной истории, тело трактуется как источник и форма реализации желаний в психоанализе, их производством озабочена и современная экономика.

Реабилитация субъективности в гуманитарных науках затрудняется традиционным эпистемологическим пониманием ее как внутренней сферы рефлексирующего сознания. Идеалистическое понимание субъекта как субстанции сталкивается с открытиями генетики и нейрофизиологии, согласно которым мозг «думает» быстрее, чем это осознает человек. Микробиология добавила вопросы о том, можно ли считать вирусы и другие микроорганизмы субъектами, а попытки создания искусственного интеллекта, по сути, притязают на повторение божествен-

ной технологии инспирации. Таким образом, следует продумать возможность различия субъективного и объективного на иной основе, нежели дилемма духовного и телесного.

Сегодня традиционное деление человека на тело и душу подвергается сомнению и деконструкции. Новая волна критики идет от постмодернистского наступления на все понятийные пары классической философии. Оппозиция материи и духа изрядно устарела. Например, понятие информации нельзя отнести ни к одной из этих противоположностей. Но значит ли все это, что от различия тела и души следует отказаться? Разумнее установить его границы и предусматривать последствия ортодоксально-догматического разграничения. Для этого нужно реконструировать типичные философские проблемы соотношения души и тела, и «подсоединить» друг к другу различные понятия и технологии их решения

Во-первых, онтологическая проблема соотношения. Согласно Декарту, есть две субстанции: материальные тела и сознание, которые не имеют общих свойств и поэтому не могут взаимодействовать между собою. Хотя это и противоречит опыту, свидетельствующему о координации тела и мысли, однако совершенно логично. Декарт не смог принять последовательно механистическую, в стиле новой физики, доктрину сознания. Он исходил при описании сознания от противного материи. Т. е. сознание описывается как нематериальное. По Декар-

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

ту, сознания суть вещи, однако отличные от тел. Ментальные процессы являются цепочкой причин и следствий, но они отличаются от телесных движений. Мыслитель сконструировал парамеханическую модель сознания. Главная ее трудность: как сознание может оказывать воздействие на тело. Декарт вынужден был постулировать их «параллельность», а Лейбниц предложил фундаментальную теорию предустановленной гармонии. От того, что душа и тело мыслятся на основе понятия субстанции, возникают проблемы бытия и мышления, материального и идеального, телесного и духовного, и как следствие — «великая противоположность» материализма и идеализма. Если сознание — это субстанция, а она является причиной всего остального, в том числе и самой себя, то внешний мир и сам носитель сознания оказываются его эпифеноменами. И наоборот, если субстанцией является материя, то сознание — это не более чем ее форма.

Во-вторых, *гносеологическая* проблема. Сознание, носителем которого является субъект, считается образом, картиной воспринимаемой реальности. Понимание сознания как зеркала природы кажется вполне естественным. Однако анализ убеждает в том, что эта метафора оказывается слишком упрощенной. Уже Бэкон показал, насколько кривым является это зеркало. Образная теория заставляет разыскивать предметы, картиной которых является сознание. Идущая от Платона концепция души как зеркала мира идей критиковалась еще Аристотелем. Однако и он не освободился от теории соответствия. Согласно ей, мы способны сопоставлять высказывания с тем, о чем мы говорим или думаем. Но на самом деле предмет нашего рассуждения дан нам посредством чувств и понятий и это не позволяет установить истинность наших знаний. Высказывания сопоставляются с другими высказываниями, а не с предметами. Кроме того, не всякий акт сознания является картинкой, у которой должен быть оригинал.

В-третьих, *методологическая* проблема. Картезианское разделение души и тела предполагало, что сознание нельзя постигнуть методами эмпирических наук, т. е. изучая его как наблюдаемый объект. Отсюда допускается возможность *понимания*. Так складывается методологическое различие наук о природе и наук о духе. Их предметом является не объективная, а субъективная реальность. Гуманитарные науки, учитывающие желания, намерения и цели действующих субъектов, вынуждены опираться на метод интроспекции. Но сознание может быть ошибочным, его необходимо постоянно контролировать. Осознание сознания требует специального усилия рефлексии.

На этом пути возникает проблема другого, душа которого недоступна нашему опыту. Трудность в том, что постороннему наблюдателю не ясна связь между ментальными состояниями и поступками. Вопрос о том, является то или иное действие разумным, неправильно решать на основе допущения о некоей тайной внутренней работе. Его следует решать, рассматривая способности, умения и привычки. Нет единого признака, позволяющего определить разумности поступка. Мы судим об этом, учитывая, во-первых, результаты разных действий, во-вторых, другие свидетельства в виде пояснений и советов, которые один человек дает другому.

В четвертых, *лингвистическая* проблема, которая включает следующие затруднения:

А) Субъект и объект описываются разными языками, которые непереводаемы. Тезис о невозможности радикального перевода вполне логичен и вместе с тем, мы как-то понимаем и переводим самые экзотические языки.

Б) Поскольку разговоры о сознании, о субъекте и объекте ведутся в ключе картезианской парадигмы, постольку они мыслятся ошибочно, причем речь идет о категориальной ошибке. Сознание представляется как «дух или призрак в машине». Из этого мифа и проистекают основные затруднения теории субъективности. Душа — это иная категория, нежели слова, означающие конкретные ментальные способности. Поэтому нельзя указать и не надо искать какую-либо сущность, соответствующую слову «субъект».

В) Постороннему наблюдателю не ясна связь между ментальными состояниями и поступками. Мы не можем в рамках картезианства ни отличить человека от машины, ни разумного поведения от неразумного. Когнитивизм не эффективен по отношению к страстям и желаниям, так как далеко не все душевные акты выполняют функцию репрезентации.

Феноменология

Основой современной теории субъективности считается феноменология Гуссерля, сформировавшаяся в рамках психологии Brentano. Сознание не просто субъективно, а всегда направлено на предмет. Интенциональность — это еще и энергетическая характеристика. У Гуссерля сознание наделяется конституирующей функцией, оно учреждает нечто и направлено на что-то. Субъективность относится к сфере имманентного, и вопросы о внешней по отношению к сознанию реальности выносятся Гуссерлем за скобки. Сознание как субъективная реальность «населено» феноменами. Феномен — это то, что переживается, и то, что показывает, обнаруживает переживаемое. Переживания феноменов могут быть поняты как индивидуально-психические или intersubjective предметности. Кант поставил вопрос об условиях возможности познания и описал их как категориальные, метафизические предпосылки трансцендентального субъекта. В отличие от кантианцев, Гуссерль опирается не на категориальные, а на феноменальные структуры — эйдосы, составляющие условия возможности любой науки. Вещи мы не просто именуем, мы их чувствуем, видим, оцениваем, исходя из нашего положения в мире. Как же здесь достигается универсальность и аподиктичность? Очевидно, что логические процессы не исчерпывают работу сознания по созданию, восприятию субъективных и в то же время универсальных феноменов.

Если следовать принципам феноменологии, то внешний мир и другие сознания, поскольку они трансцендентальны, не являются рассогласованными. И для этого не требуется теории отражения. Люди образуют сообщества монад, каждая из которых запрограммирована как трансцендентальное Ego. Опыт бытия телесного человека в вещном мире тоже протекает по определенным правилам, и они могут быть феноменологически описаны. Акты сознания индивидуального субъекта подчинены общим стандартам. Они срабатывают в актах не только мышления, но и восприятия, которое есть нечто большее, чем состояние органов чувств воспринимающего Я. Мы знаем об обратной стороне куба, хотя не видим ее. Т. е. видение — это

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

еще и данность «кубовости» как целостности, которая не является продуктом синтеза, а дана независимо от актов зрения. То, что я вижу, не является результатом ни самого зрения, ни самой вещи. Видимая вещь дана заранее как некая «величина». Содержание ощущений тоже не сводится к телесным переживаниям, а включает образцы ощущений.

Истины науки, действительно, производят впечатление «объективных», «всеобщих и необходимых», «вечных и вневременных». Но как быть с ценностями, расхождение в которых обнаруживается в ходе содержательных дискуссий? Отсюда возникает потребность аналитики опыта переживания и признания ценностей. Она была весьма плодотворно разработана учеником Гуссерля — М. Шелером. В своих ранних работах он предпринял критику формализма Канта с позиций феноменологии. Его вклад состоял в том, что он применил понятие априорности в сфере эмоционального сознания и разработал «материальную» этику ценностей. Обычно она ассоциируется с утилитаризмом, эгоизмом и гедонизмом. Наоборот, согласно этике долга, только формальные принципы могут быть признаны всеми. По Шелеру, Кант испытывал страх перед миром, считал его хаосом, преодолением которого полагал синтетическую деятельность рассудка. Он постоянно говорит о постановляющей, законодательной, упорядочивающей деятельности рассудка. На самом деле априорные факты не создаются, а основываются на сущностях и поэтому не конструируются, а усматриваются, находясь как изначальные предметные связи. Кант же не дает позитивного определения добра, он лишь устраняет разного рода влияния — природные и социальные. Это наследие пуританства, согласно которому нельзя определить, кто избран. Поэтому у Канта отсутствуют критерии различия добра и зла.

«Формализм» сопровождается эпистемологическим поворотом: онтология трактуется как конструирование реальности. В этике также проблемой становятся суждения, а не сами ценности. Последние «материальны» и в тоже время даны, очевидны до всякого опыта. Даже если бы никогда не было вынесено суждение «убийство есть зло, а благо — это благо», то это оставалось бы несомненным как предпосылка. Нравственный закон есть некий «факт» сознания, т. е. материальная этическая интуиция.

Шелер различал противоположности «априорное — апостериорное» и «формальное — содержательное». Первая является абсолютной и основывается на различии содержаний, вторая, связанная с всеобщностью понятий и предложений, относительна. По Шелеру, отождествление «априорного» с «формальным» — это фундаментальное заблуждение кантовского учения. Именно оно лежит в основе его этического формализма. Шелер также критиковал отождествление априорного с рациональным. Ошибка кантовской теории познания состоит в допущении, что познается или чувственно данное или мыслимое. Феноменология открывает нечто иное: понятия не выдуманы мышлением, существуют акты их интуитивного восприятия, не сводимые к чувственно данному. Неправильно думать, что то, что не дано чувственно, вообще никак не дано и не существует, что оно только примысливается. Неверно путать то, что дано, со способами данности. Шелер писал: «Argiōi мы называем все те идеальные единства значения и все те положения, которые

становятся самоданными в содержании непосредственного созерцания при условии воздержания от всех суждений как о субъекте, так и о предмете»¹.

Шелер различал общезначимость и априорность. Бывают индивидуальные априорные сущности, которые усматривает один индивид. Неверно смешивать априоризм и с субъективизмом. В восприятии нам дана природа, а не Я. Воспринимает человек, который имеет Я². Я — это носитель ценностей, а не их предпосылка.

Переходя к описанию эмоциональных переживаний, Шелер показывает, что суть дела не в желаниях, а в ценностях. Например, великие люди «теряют себя в ценностях». Свои волевые действия они переживают не как свои чувства, а как «благодарить» свыше, понимают себя как орудия, инструменты Бога. Существует духовная жизнь, и ее эмоциональная сторона тоже определяется независимыми от телесной организации человека актами. Любовь и ненависть исполняются человеком, но строго говоря, не являются «человеческими», они подчиняются априорному порядку бытия.

Другой ученик Гуссерля, М. Хайдеггер тоже противопоставил категориальные и экзистенциальные способы человеческого существования (Dasein). Заброшенность, забота о сподручном, ужас, бытие к смерти — все это такие состояния, которые являются просветами для обнаружения бытия, где отсутствует различие субъекта и объекта. Трансцендентальный идеализм понимает познание как понятийную реконструкцию мира. Аналитическая философия переводит это в план языка. Согласно ей, человек описывает и интерпретирует мир в терминах национального языка. В таком случае любая онтология оказывается ничем иным, как «трансцендентальной грамматикой». Наоборот, хайдеггеровские экзистенциалы играют роль медиумов бытия. Речь идет о новой атрибуции субъективной реальности, она понимается не как трансценденция, а как эманация. В отличие от познающего субъекта Dasein не конструирует мир на основе понятий. Его переживания и настроения — это медиумы обнаружения бытия.

Г. -Г. Гадамер отметил важную черту опыта — это не пассивная констатация, но и не конструкция бытия, а опыт изменения как объекта, так и субъекта. Причем дело обстоит без посредства рефлексии, извлекающей из опыта информацию, которая учитывается в дальнейшем. Опыт — это телесно-духовный опыт преобразования человека.

Язык, субъективность и коммуникация

Феноменологический проект обоснования ценностей уперся в онтологические послышки. Успехи когнитивных наук позволяют дополнить список методов обоснования «субъективного знания». Например, в биологии и нейропсихологии «априорными» объявляются не ментальные, а генетические, нервно-мозговые структуры. Отсюда современная биоэтика настаивает на «врожденности» альтруизма и эгоизма и связывает их с генетикой. Все это в корне меняет представления о субъекте.

В гуманитарных науках кроме социокультурных ссылаются на коммуникативные нормы и коды, определяющие признание

¹ Шелер М. Человек и история. // Избранные Произведения. / М. Шелер / М: «Гнозис». 1994. С. 226

² Там же. С. 295

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

ценностей Согласно традиционному пониманию языка, мы индивидуально познаем элементы чувственно данного мира, затем посредством абстракции, опираясь на логику, воссоздаем онтологическую структуру мира³. Сначала мы обозначаем и репрезентируем образ мира в системе знаков, а потом сообщаем другим о познанных нами положениях дел. Здесь первично познание, а обозначение и сообщение вторично. Была только одна трудность такого истолкования: для объяснения изобретения языка он уже предполагался. Не удивительно, что Гегель считал язык продуктом рода и не занимался его исследованием с точки зрения субъективности.

Современные исследователи — К.-О. Апель и Ю. Хабермас — исходят из того, что обозначение вещей и идей опосредуется не индивидуальными субъектами, а смысловым пониманием коммуникативного сообщества. Предложенная ими трансцендентально-герменевтическая трактовка языка состоит в раскрытии его коммуникативно-диалогической природы. Поскольку «только один не может следовать правилу», постольку приходится допускать «трансцендентальную языковую игру»⁴. Исключение вопроса о реальности, сомнение в существовании своего Я, обороты речи: «мир — это мое представление», «не-что есть только в сознании», «это нам только снится», все это предполагает языковую игру, допускающую существование внешнего мира.

Если Гуссерль считал, что истина может открыться индивиду и оставаться истиной, даже если ее никто не признает (факты не требуют признания, они действуют принудительно), то Апель настаивает на коммуникативной компетенции познающих субъектов. Ложь, отказ от критической рефлексии и аргументации делает диалог невозможным. Существа, способные к языковой коммуникации, признаются нормальными личностями, ибо в своих поступках и высказываниях они являются участниками виртуального диалога.

Связь фактических истин и ценностей не логическая, а прагматическая. Логические операции возможны потому, что достигнута договоренность насчет смысла и значимости в коммуникативном сообществе. Таким образом, оправдание и обоснование мнений является долгом мыслителей. Но как проверить различие симулянта и искреннего человека? Согласно Апелю, даже дьявол должен вести себя сообразно долгу, если хочет познать истину⁵. На основе непрерывной лжи невозможны ни языковые игры, ни поступки. Всякий желающий получить истину и совершать осмысленные поступки должен прояснить безусловную волю к коммуникации.

Но признаются и ложные утверждения, например, обязанность приносить богам человеческие жертвы. Как же доказать подлинность принимаемых норм? Суть в том, что как обоснование, так и опровержение, предполагают участие в дискуссии. Тот, кто хочет обосновать какую-либо норму, уже предполагает ее. Получается логический круг. Но если мы обнаружим, что согласие людей, включенных в о или иное сообщество, является условием возможности любого обоснования, то это и есть фи-

лософское понимание в духе трансцендентальной рефлексии. Поскольку истина недостижима индивидом, постольку принадлежность к сообществу ученых предполагает преодоление эгоизма, т. е. некий «логический социализм». Принадлежность к коммуникативному сообществу является не гипотетическим, а категорическим императивом. Практическое применение разума предполагает логические и этические условия коммуникации. Предельным основанием субъективности оказывается не «методический солипсизм», а интерсубъективное единство интерпретации.

Забота о себе

Не только представления, но и другие переживания — разнообразные волевые и эмоциональные состояния — имеют то или иное когнитивное содержание и поэтому могут быть оценены как рациональные или нерациональные. Вопрос в том, как это осуществляется на практике. Если сознание и реальность — это «аутопойэтические», т. е. автономные, независимые структуры, то задача состоит в том, чтобы обнаружить каналы их подсоединения друг к другу. Эксперимент и техника изменяют не только объект, но и субъект. Практическое отношение человека к миру имеет респонзивный характер. При этом под техникой можно понимать не только инструменты, орудия труда и другие средства производства, но психотехнику, непосредственно направленную на «просветление» сознания. Суть этих технологий состоит в том, чтобы превратить человека из субъекта — господина природы, в «просвет», т. е. место, где она реализуется как бытие. Истоки формирования такого рода технологий можно обнаружить в восточной культуре психической деятельности, в греко-римской «заботе о себе», а также в христианских практиках спасения. Эта старая культура сегодня оказывается весьма востребованной в связи с тем, что испытанные технологии классического образования перестали выполнять задачу гуманизации людей. Книжная культура с ее цивилизационными механизмами вытесняется масс медиа, которые влияют на поведение людей не понятиями и обоснованиями, а завораживающими душу звуками и зрелищами. К тому же современная экономика ориентируется не труд, а на потребление, и поэтому управление телесными потребностями и желаниями становится более важным, чем «промывание мозгов». Поэтому реанимация старинного искусства существования представляется сегодня весьма актуальной и своевременной.

Как осуществляется производство человеческого в человеке? Ответ на этот вопрос дает педагогика, в которой снова стали обращать внимание на воспитание. Система образования формирует из детей, рожденных быть счастливыми и свободными, социализированных индивидов — функционеров системы, профессионалов, находящихся спрос на рынке труда. Номо есопoticus ориентируется на законы рынка, который не признает социальных и моральных препонов. Теперь говорят о формировании не столько моральных качеств, сколько компетенций, навыков и умений. Они понимаются, как способности применять полученные знания на практике для достижения наибольшего экономического эффекта. Мы привыкли считать, что целью государства является забота о человеке, но, скорее всего, это не так. Оно стимулирует рождаемость и финансирует институты образования, которые формируют агентов тех

³ Аристотель. Об истолковании. Сочинения в четырех томах. / Аристотель / М.: «Мысль». 1978. С. 93.

⁴ Апель К.-О. Трансформация философии. / К.-О. Апель / М.: «Логос», 2001. С. 242.

⁵ Там же. С. 306.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

или иных социальных организаций. Тому, кто хочет при этом остаться человеком, следует надеяться на самого себя и в свободное от работы время заниматься самореализацией. Вопрос в том, как мы это делаем сегодня. В прежнее время жизненный опыт, способность ориентироваться в окружающем мире передавались, так сказать, из рук в руки от старшего поколения к младшему. Сегодня мир развивается слишком быстро, время истории обгоняет время жизни, которая меняется несколько на глазах одного поколения. Устаревает опыт не только предков, но и современников. Прежние качества и способности оказываются невостребованными. Речь идет о непрерывном образовании. Таким образом решается проблема модернизации, подготовки новых профессий. А как обстоит дело с самореализацией, или, как говорят сегодня с креативностью? Как сохранить свою человечность, занимая место в социальной иерархии, как сохранить себя в меняющемся потоке жизни, как ориентироваться в современном мультикультурном мире — вот вопросы, стоящие перед нами.

Многие критики современности считают, что сегодня буквально все сферы жизни охвачены властью и нигде человек не принимает самостоятельных решений. Молодые, конечно, не слушают советов родителей, зато попадают под власть разного рода экспертов. Прежнее искусство существования выглядело иначе. Старшие не навязывали свой опыт детям, а рассказывали о том, как они решали похожие трудности. И до сих пор у человека есть то, что раньше называли судьбой: детство, юность, первая любовь и первые трагедии на этой почве, выбор профессии, спутницы жизни, рождение и воспитание детей. Старость, болезни, несчастья — все это случается в жизни каждого человека. Как справляться со всем этим? Тут нет никаких законов, каждый человек должен по-своему решить те проблемы, которые когда-то стояли перед его предками. Поэтому следует говорить не о познании законов жизни, ибо их нет, а об ориентировании, об искусстве существования.

Исследование того, как человек становится субъектом, приводит к изучению дисциплинарных, педагогических, воспитательных практик. В традиционном обществе философы (Конфуций, Сократ, Сенека) предложили молодым людям искусство заботы о себе, где речь шла о способах управления собой, своими желаниями, своим телом. Причем не только разум и познание способствовали хорошей и здоровой жизни, но также гимнастика и диета. В христианстве наставления касались заботы о душе, и при этом культивировалось довольно жесткое «пастырство плоти». В новое время место религиозной аскезы заняла практика медицинского и образовательного типа.

Таким образом, в одних культурах были сформулированы кодексы поведения, в других — разработаны системы наставлений. Например, «Домострой» Ксенофонта, по образцу которого написан русский «Домострой» на долгое время определил список человеческих добродетелей, которые обусловлены традиционными формами жизни. Дом, кров — внутреннее пространство безопасности и хранения запасов — место женщины. Внешнее пространство — поле и агора — место деятельности мужчины. Ксенофонт говорит о том, что тела супругов приспосабливаются к этим пространствам, именно оно определяет их красоту и здоровье. Мужчина упражняется в поле и мудреет на агоре. Женщина проводит время в доме, но она все

время на ногах, постоянно руководит служанками, и это развивает ее ум и тело. Поэтому чем старше супруги, тем они нужнее друг другу и тем более кажутся друг другу прекрасными.

Референциальная функция — это не главное в наставлениях и советах. В древности речь, размышление, чтение и письмо представляли собой ритуальные, государственные и, наконец, приватные практики, где письмо — это заметки для памяти, своеобразный молитвенник, набор предложений, состоящий из цитат и собственных сентенций, который составляли для своих детей или друзей. Главное в такого рода заметках вовсе не информация, а воспитательный результат их чтения. Это упражнение в практике сборки себя.

По Фуко, культура заботы о себе появляется в античности в V в. до Р. X. И продолжается до V в. после Р. X. В результате накопился свод постановлений, касающихся способов быть, познавать, действовать, любить, общаться. От философских размышлений до христианского аскетизма — тысяча лет изучения себя. В связи с этим возникает вопрос, почему о духовных практиках снова заговорили сегодня?

Возможно причиной равнодушия к моральным наставлениям, в которые и выродилась традиция заботы о себе, является элементарная скука, которая овладевает читателем такого рода литературы. Но именно своей монотонностью наставления и могут воздействовать на читателя. Они не возбуждают и не воодушевляют, ибо их задача успокаивать страсти и желания, даже путем меланхолии. Такие тексты должны превратить пылких молодых людей в старцев, умудренных опытом разочарований. По своей тональности они напоминают песни Сирен и зовут свернуть с широкой дороги подвига на остров забвения, где можно предаваться размышлениям о самом себе, медитировать о собственной сущности. Сократ дает советы юношам. Сенека и другие римские авторы создают искусство жизни для стариков. Речь идет скорее об исправлении, чем о наставлении. Целью становится приготовление к старости как высшей точке существования. Фуко резюмирует: «Чтобы стать субъектом, надо состариться»⁶.

Фуко отмечает обилие трактатов о лести и гневе в эллинистической литературе. Лесть — это вранье, искажающее истину о самом себе извне, а гнев — это внутренняя деформация себя, это состояние, когда человек выходит из себя, утрачивает уверенность, становится рабом страсти. Столь пристальное внимание к аффектам означает изменения образа власти. Она перестает быть самодурством, личной привилегией, а становится профессией, общественным бременем, которое несет господин. Этика гнева должна отличить легитимное употребление власти от злоупотребления ею⁷. Если гнев — это превышение власти господина над подданным, то лесть это наоборот способ подданного достигнуть выгоды от господина, обращение себе на пользу его власти. Лесть — это ложь, она искажает представление о самом себе и ослабляет того, к кому она обращена. Фуко расценивал культуру наставлений сквозь призму европейского либерализма. Стоило бы учесть, что авторами такого рода текстов являются отставные или опальные крупные чиновники, например, Сенека, а читателями — молодые функ-

⁶ Фуко М. Герменевтика субъекта. / М. Фуко / СПб., 2007. С. 146.

⁷ Там же. С. 406.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

ционеры, вроде Луцилия, прокуратора Сицилии. И у нас старцы обращались к власти предрержавшим с целью наставления их в практиках управления собой. Это никакой не экзистенциализм, а самая что ни на есть государственная философия.

Чтобы практиковать себя, необходим другой. У Платона — это учитель, передающий знания, ибо у греков все беды идут от незнания. В римской философии субъект не столько несведущ, сколько порочен, наделен дурными неестественными желаниями. Здесь учитель не тот, кто много знает и передает свои знания, а тот, кто преображает индивида. Речь идет об исправлении, терапии, лечении. Сенека описывает исходный материал как существо, подверженное всем дурным влияниям, неспособное противостоять порокам. Такое существо не думает о старости и проводит время в развлечениях. Задача наставника сделать предметом его желания самого себя. Он не претендует на абсолютное знание, а дает советы, рассказывая о случаях из своей жизни. Близкие отношения учителя и ученика основаны на дружбе, т. е. абсолютной открытости.

У греков и римлян истина превращается в средство спасения, познание мира у них было духовным опытом субъекта. Кроме истины и морали в античности важную роль играла красота. Поэтому кроме нормы люди следовали форме. Все это требовало определенного аскетизма. Христианский аскет движется к святости. Главный враг для него — это он сам. В античности способ стать собой было воздержание, благодаря которому приобретает не что позитивное — покой, счастье. Аскеза — это духовная гимнастика, упражнение, помогающее выстоять перед испытаниями судьбы, стать сильнее того, что может с нами случиться в жизни. Античный аскет успокаивает страсти словами и фразами, которые повторяются каждодневно. Это не молитвы, а рациональные суждения, которые высказывают истину и предписывают, что нужно делать. Они не только убеждают, но и побуждают к действию. Такие изречения должны быть постоянно под рукой. Поэтому аскетическая подготовка состоит в запоминании и повторении сентенций, которые являются истинами и одновременно матрицей морального поведения.

Слушание, чтение, письмо и говорение — вот основные практики античной аскезы. Переход от «алетей» к «этосу» начинается со слушания. В трактате о слухе Плутарх писал, что, с одной стороны, слушание — это пассивная деятельность. Именно через слух, словами и песнями можно заморозить душу. С другой стороны, Плутарх говорит о восприимчивости слуха к логосу. Наоборот зрение, вкус, ощущение вызывают чувственное удовольствие и являются медиумами пороков. Сенека писал о двойственной природе слуха. Он восхвалял его пассивность, ибо благодаря ей мысль проникает в душу слушателя и делает свое дело. Слова служат почвой роста семян добродетелей, которые именуются в душе. Но необходима и аскеза слуха: как речь может превратиться в болтовню, так и слушание всего, что попало, может нанести вред. Первое дело — научиться молчать. Чтобы стать членом пифагорейской общины, нужно было молчать пять лет, т. е. не принимать участия в речах об истине. Сначала надо научиться хранить молчание, а потом говорить. По Плутарху, молчать нужно как можно больше. Молчать, значит хранить услышанное. Болтун, что услышал, сразу выплескивает и не держит в душе.

Практики со-субъективности в культурах Востока

Возможно, упадок духовных и телесных практик заботы о себе связан с книжной культурой, где определяющей становится способность к рефлексии и критике. Способность желания интенсифицируется в обществе благоденствия, где главным становится потребление, и этим объясняется интерес к традиционным практикам удовольствия, которые, так или иначе, входили в круг «заботы о себе». Сегодня общинный уклад уже мало кого завораживает. Зная об этом, уже нельзя призывать к возвращению общины с прежним пафосом. Но и очернять ее роль не следует. Может, в экономическом отношении она не очень эффективна, зато в аспекте производства «человеческого капитала» равного ей не найдено. Здоровые, крепкие духом и телом люди — это и есть главный продукт «колхозов», будь то российских или китайских.

Западные мыслители уже давно присматриваются к культуре Востока и заимствуют все полезное, интересное. Началось с «Шехерезады», благодаря которой Восток воспринимался как шкатулка с драгоценностями. Вслед за этим настала эра колонизации. Сегодня наоборот, растет интерес к искусству существования. Уже давно восточные наставники обосновались в современных мегаполисах и нашли там обширную аудиторию слушателей, учеников и последователей. Многие европейские мыслители и ученые тоже отдали дань моде и увлеклись восточной мудростью. Продуктом ее является, например, «Дао физики» Ф. Капра.

Если у европейцев упор делается на технику изменения и покорения природы с целью удовлетворения потребностей, то на Востоке, где сохранились установки традиционного общества, стремятся жить в гармонии с природой и учатся управлять своими желаниями и влечениями. Отсюда развитие психотехники.

Конфуцианство направлено на воспитание добродетельного мужа: благородный муж печется о долге, низкий человек жаждет выгоды; благородный муж требователен к себе, низкий человек требователен к другим. Необходимо всегда помнить о гуманности и постоянно контролировать свою психическую деятельность, чтобы достигнуть «невозможности духа», позволяющей сохранять самообладание в опасных ситуациях. Конфуцианская психогоника освобождает от скованности, снимает напряжение, и тем самым способствует адекватному поведению в чрезвычайной ситуации. При этом речь идет не о подавлении, а о мобилизации психофизических возможностей организма⁸.

Главная задача конфуцианского воспитания — преодоление лени, небрежности, неисполнительности. Это сильно напоминает римскую заботу о себе в описании Фуко. И все же есть важное «технологическое» отличие. Сенека опирается на письмо: наставление — это сборка себя в ходе чтения, рефлексии, медитации. В конфуцианстве, которое наиболее похоже на европейские практики воспитания, учитывается воля и жизненная энергия. Воля — это эмоционально-психическое состояние, а жизненная энергия — биоэнергетическое. Задача

⁸ См.: Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. / Н. В. Абаев / Новосибирск. 1989.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

психотренинга состоит в концентрации, а затем использовании накопленной энергии в нужный момент. В принципе, это дает и терапевтический эффект: достижение равновесия продлевает жизнь.

Как и Сократ, Конфуций считал, что нельзя научиться управлять государством, не умея управлять собой. Под управлением понимается наведение порядка: управлять, значит упорядочивать. Порядок должен быть во всем: от речей до прически. Начинать нужно с себя, затем упорядочивается семья, государство и, наконец, универсум. Конфуцианство опирается на ритуал и этикет, которые являются эффективными средствами сборки людей в общественное целое. Главная задача — культурное поведение, удерживающее людей в рамках определенных предписаний. Умение сдерживать себя и следовать ритуалу характерная черта «гуманного человека». Именно ритуал обеспечивает единство теории (этики) и жизни (поступки). При этом необходимо воодушевление при его исполнении: если не участвовать в жертвоприношении всеми чувствами, то это равноценно отсутствию жертв вообще. Нужно приносить жертвы предкам так, словно они живые. Серьезность, благоговение могут исчезать при повторении. Привычка и скука обязательно сопровождает ритуал, он превращается в мертвую традицию, обычай. Как этого избежать? Конфуций придавал большое значение музыке, музыке серьезной, благонравной, рождающей высокие чувства. Тоже и танцы, обязательная часть ритуала.

Даосизм использует глубинные ресурсы психики. Поэтому неверно противопоставлять его конфуцианству, они дополняют друг друга. Конфуцианцы различали естественного и культурного человека примерно так, как греки противопоставляли себя, как цивилизованных людей, варварам. У даосов естественный человек — это не животное и не варвар, а существо, живущее в гармонии с миром. Собственно «великое Дао» — это единство неба, земли и человека. Главная задача — достижение идентичности сущности человека и всех вещей. Речь при этом идет не о рефлексии, а о растворении субъекта в объекте и наоборот. Отсюда протест против конфуцианства, насильственно социализирующего человеческое Я. Ритуальным практикам социализации даосы противопоставляли психотехнику «просветления», способствующему достижению «великого единения». Если сделать свое сознание беспристрастным, то вещи вернутся к нам. Единство с Дао — это не рефлексия, а глубокое эмоциональное переживание, это не трансцендирование, а наоборот, погружение в имманентное. При этом важно собственные действия подчинить законам Дао. Для этого нужно освободиться от условностей. Уединение это лишь этап, «не-деяние» — это не бегство от реальности, а способность сохранять невозмутимость в трудных ситуациях.

Восточная аскетика также предполагает совершенствование техники слушания. По Судзуки, слушание предполагает особую позу, полный покой, чтобы ничто не мешало. Неуместная жестикация и суета — это верный признак не сосредоточенности, женоподобности. Бесчестного выдает хихикание, безумного — мимика. Слушатель может лишь улыбаться и кивать головой, в крайнем случае, если не понимает, поднять указательный палец. Обучение в дзенском монастыре длилось дольше, чем в современном университете. Учитель отвечал на

вопросы ученика не всегда адекватно, и частенько прибегал к побоям.

Кришнамурти рисовал образ западного человека в виде трехликого эгоиста: аскет, честолюбец, утопист. Все они рассчитывают на будущее, на становление. Утешаясь будущим, ориентируясь на становление, они утратили бытие. Между тем, время — это миг. Все содержится в мгновении, понять его — значит стать свободным от времени. Время восточного человека течет иначе, чем у западного. У нас «время — деньги». На Востоке время течет спокойнее и не так зависит от курса валют. Впрочем, все это в прошлом. Биржа есть везде.

Сегодня проблема идентичности на Западе весьма актуальна. Но разве восточный человек знает, кто он есть, уверен ли он в своих мандатах? Кришнамурти считал, что они вообще не нужны. Это защита, и она, по определению, когда-нибудь разрушится. Но значит ли это что можно существовать без «кожи»? Кожа, кстати, это мембрана. Конечно, когда она толстая и непроницаемая — это тоже плохо. Именно беспокойство создает экзистенциальные проблемы. Атараксия у европейцев считается чем-то вроде маразма.

Симпатия и субъективность

Душа не может быть понята методом наблюдения. Для ее понимания не годятся метафоры зеркала или «камеры обскурью». Душа это не пассивный приемник информации, а генератор чувств, желаний, волеий и других духовных актов. Натурфилософия Шеллинга, теории порыва Бергсона и Шелера, витализм, русский космизм, холизм Уайтхеда — все эти философские концепции продолжают гностическую традицию. С. Л. Франк тоже предложил проект «философии души», которая понимается как онтологическая альтернатива интроспективной психологии. Это обусловлено тем, что в современной культуре значимым оказывается не подавление, а производство желаний. Так «эманация» снова становится главным принципом понимания работы души. Она используется как аккумулятор желаний, подзарядка которого осуществляется масс медиа. Управление страстями — главный предмет заботы Декарта и Спинозы. Истинное знание, как продукт сомневающегося разума, становится методом исправления души. Трудности ее научного познания вызваны тем, что она не похожа на физические объекты. Поэтому философия и психология разрабатывали методы сведения душевных интенций к телесным реакциям, т. е. к физиологии. В результате возникла так называемая механистическая психология, которая, собственно, уже не была наукой о душе.

Мы говорим, что люди выполняют действия хорошо или плохо, эффективно или нет. Действия должны удовлетворять определенным стандартам. Кроме того, они должны быть разумными, а не автоматическими. Человеку присущи: ответственность, способность координировать, корректировать, совершенствовать действия. Таким образом, предполагается, что человек думает над тем, как он действует.

Есть еще одна способность сознания, которую Кант называл желанием. Она рассматривается как нечто подлежащее контролю на основе понятия долга.

Во времена Канта становились популярными «магнетические» концепции сознания, которые разрабатывались не

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

только «ясновидцами» вроде Сведенборга, с которым полемизировал Кант, но и Лаватером. «Физиогномика» последнего раскрывала сознание как своеобразный генератор желаний. В учении Мессмера оно раскрывалось как мощный магнит, «флюиды» которого могут передаваться от одного индивида к другому. Отношения людей, основанные на любви и ненависти, связывают их друг с другом сильнее, чем принцип толерантности или «права человека». Целый ряд историков считают, что «горячие», чувственные культуры наиболее пассионарны, или, как говорят сегодня, креативны. Однако как возможна коммуникация на основе спонтанных, мгновенно вспыхивающих и столь же быстро затухающих аффектов? Для того, чтобы понять, как это происходит, следует выявить «психосемантику», соединяющую социальную систему кодов и значений с чувствами людей.

Желание, влекущее к знанию, Платон понимал как Эрос. Противоположное состояние ярости и гнева греки называли «меносом». Для него характерен временный наплыв энергии, идущей либо от коварных и безжалостных демонов, которые толкают к преступлению, либо от богов, которые ведут на подвиг. Платон осуждал музыку за то, что она приводит человека в состояние «меноса». Но он признавал и благотворное влияние экстаза, благодаря которому человек соединяется божеством. В форме комментария к «Пиру» Платона итальянский гуманист эпохи Возрождения М. Фичино продолжил динамическую концепцию любви, в основе которой положено желание. Спустя столетие симпатическая магия Фичино возрождается у Д. Бруно как наука об универсальных связях. В начале Нового времени психология и магия, онтология и антропология, физика и социология связаны общим принципом симпатии, который в физике выражается в понятии «импетуса», «виртуса», притяжения, тяготения, инерции, сохранения, энергии и др. Таким образом, изолированные атомы, автономные субстанции, замкнутые на себя монады наделены свойством взаимодействия с другими членами универсума. Медицина Т. Парацельса обращает внимание на конstellации, в которые вписан человек, ибо болезни возникают из рассогласования ритмов индивида с ритмами универсума. Человек в монадологии Лейбница понимается как монада, не имеющая окон, и тем не менее сопричастная универсуму. Таким же образом устроен мир Шекспира: общество — это социальный ансамбль, связанный горящими в индивиде страстями, жадной власти, наслаждения. Его герои — своеобразные аккумуляторы, инфицирующие желания. Те, с кем они вступают в борьбу, заражаются страстями подобно чуме. Так все общество оказывается постепенно охваченным завистью и соперничеством, т. е. капитализмом.

Ф. Месмер исходил из представлений о межзвездной силе тяготения и флюиде, который передается как магнетическое излучение через все тела, связывая их в единую цепь. У Месмера нет понятия индивидуальности, он трактует человека как животный магнит, втянутый в ансамбль флюидальных взаимодействий. Собственно, концепция избирательного сродства Гете — это тоже использование физиогномической и магнетической моделей.

Во время Великой французской революции на арену истории выдвинулся народ, он получил название нации, которая понималась не в этническом, а в политическом смысле, как совокупность граждан, наделенных правом избирать или быть

избранными в качестве представителей интересов народных масс. Это, конечно, было довольно таки абстрактное допущение, которое во Франции сначала обросло метафорами братства, а потом патриотизма и даже шовинизма. В Германии «дух народа» был истолкован в терминах крови и почвы. Но был еще один скрытый мотив. Власть, разбудившая народ и победившая на волне его возмущения, боялась нищей и голодной массы, которая не управлялась ни экономическими, ни политическими механизмами, а спонтанно выплескивалась на улицы, повинувшись каким-то непонятным инстинктам. Поведение индивида, принимающего участие в уличных беспорядках, резко отличается от относительно рациональных и предсказуемых действий отдельного человека. Собравшиеся вместе возмущенные люди напоминают какое-то дикое стадо. Очевидно, что эти характеристики относятся не к народу, а к толпе.

Фрейд в работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я»» писал, что «массовая психология рассматривает отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия, институции или как составную часть человеческой толпы, в известное время и для определенной цели организующейся в массу»⁹. Индивидуальная психология, а именно так она сформировалась под влиянием идеалов либерализма, столкнулась с тем фактом, что индивид, включенный в толпу, действует и чувствует совершенно иначе. Ле Бон утверждал, что есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Он отмечал ощущение непреодолимой мощи, которое охватывает человека в толпе. Ле Бон описывает ее как импульсивную, изменчивую и возбуждающую массу. Фрейд добавляет, что у массы ослабевают механизмы торможения и просыпаются жестокие первичные позывы. Он склоняется к отождествлению массовой души с душой первобытного человека.

Хотя Фрейд отказался от гипноза, но в его представлениях о либидо сохраняется «магнетическая» модель, согласно которой между индивидами имеют место отношения притяжения и отталкивания, возникает силовое поле, пронизанное флюидами и влечениями. Вполне возможно, что от этой аттрактивной модели вообще невозможно избавиться вполне и об этом свидетельствует возрождение «флюидной» теории в современной культуре¹⁰.

Семиотика субъективности

Решая энергетическую проблему сознания, «флюидная» теория не может объяснить, как чувства, релевантные для одного, оказываются или могут оказаться значимыми для другого? Общие-принятые должны быть действия, и именно они контролировались обществом. Чувства только сбивают с толку, поэтому их проявление если и не запрещалось совсем, то жестко контролировалось. Собственность, женщины и другие блага всегда были причиной раздоров. Нормализация такого рода отношений составляет главную задачу теории коммуникации. Стандартная семиотика, разработанная на примере научных языков, вряд ли применима для ее решения. Для этого необходимо наметить контуры семиотической концептуальной системы, объясняю-

⁹ Фрейд З. Я и Оно. / З. Фрейд / Тбилиси. 1991. Т. 2. С. 72.

¹⁰ См. Слотердайт П. Пузыри. Сферы I. / П. Слотердайт / СПб., 2005.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Трансформация субъективности |

щей возможность порядка в столь запутанной области, какую являет собой мир страстей?

Первым шагом наступления на спонтанность чувств является их описание. Этим занимаются не только поэты, но и воспитатели, моралисты, ученые. Поэты придумывают идиомы, а педагоги, медики и юристы постулируют нормы. Поскольку внутренняя жизнь человека проявляется в публичной сфере, постольку самоконтроль и самодисциплина более эффективна, чем внешний запрет. Благодаря описанию, концептуализации и интерпретации обретается власть над непокорной, антиобщественной страстью. Как показал М. Фуко, в режиме истины человека учат использовать свое тело для получения удовольствия с минимальным риском для здоровья.

Однако чисто семиотического истолкования общества недостаточно для раскрытия социальной жизни людей. Его необходимо дополнить коммуникативным подходом. Например, дискурс о любви не просто выражает интимные сердечные чувства, а представляет собой символический код, посредством которого информируют о том, о чем, кажется, невозможно сообщить. Рассматривая страсти с коммуникативной точки зрения, Н Луман предложил различать знаки и коды, с одной стороны, и реальные чувства, с другой¹¹. Пожалуй, самой первой попыткой кодификации чувств является аристократическое искусство страсти, которое отличалось от вульгарных проявлений сексуальности. На место грубых форм ухаживания приходит тонкое искусство амурной страсти, которое отличается возвышенным идеализмом. Совершенно очевидно, что рыцарская любовь культивировалась не только с целью облагораживания высших сословий, которые обучались контролировать свои страсти, но и с целью сублимации страсти на nive войны. На смену средневековой рыцарской галантности приходит романтическая любовь. При этом меняются: форма кода, основание

¹¹ Luhmann N. Passion. / N. Luhmann / Fr. am Main, 1993.

любви, антропология, упорядочивающая коды. Если в Средние века ориентировались на идеализацию, то в Новое время — на рефлексии. При этом основные усилия тратились не столько на облагораживание объекта любви, сколько на его познание и работу воображения.

Сегодня происходит тривиализация этой семантики, на смену литературным пришли медицинские формы нормализации поведения. Коды амурной страсти интенсифицировали любовь, но одновременно исключали эксцесс. Современная психотерапия и сексология направлены на поиски путей получения максимального наслаждения. Кодирование страсти с целью ее нормализации и приспособления для социальной и семейной жизни возлагается на медицину. На место воздержания и самодисциплины пришли новые практики формирования тела: аэробика, спорт, фитнес, медицина, лицевая хирургия. Если раньше трудность состояла в том, как понять и принять своеобразие того, кого любишь, то теперь другой — это объект сексуальной самореализации. Что же приходит на смену старому коду, экзальтирующему и нормализующему слепую страсть, в которой видели главную угрозу социальному порядку?

Сегодня телом управляет не столько философия, сколько масс медиа. Это заставляет отвлечься от вопросов о сущности души и тела и сосредоточиться на вопросе, какими методами, практиками они формируются. Важная роль литературы состояла в том, что она формировала и воспитывала культурные коды общения. Скепсис в отношении традиционных практик гуманизации сопровождается освобождением тела и желаний от аскезы. Современные масс медиа разрушили эти коды. Возникает новый медиум, формы которого определяются компьютерными программами, выполняющими функции грамматики в письменности¹². К чему это приведет даже компьютерная лингвистика сказать не в состоянии.

¹² См.: Луман Н. Медиа коммуникации. / Н. Луман / М., 2005.

